

И тут
вышел
певец...

Несколько дней тому назад я испытала сильнейшее художественное, эмоциональное вдохновение. Я — научный работник, время мое заполнено до предела лекциями, чтением литературы по специальности, библиотечной, студентикой. Моя другая страсть — музыка. (О неподъемных домашних обязанностях не говорю.)

Среди деловой поездки привела меня в Куйбышев, где я, к своей величайшей радости, узнала о гастролях Ю. Марусину. Удались купить билеты на «Иланту» и на сольный концерт. По атмосфере в зрительном зале оперного театра я поняла, что «гадкий спектакль для города — событие».

Здесь я должна сделать глубокий вдох и мысленно попросить прощения у куйбышевцев: негоне гости дурно отзываются о хославах. Но истина дороге. Все было указывающее на убогое: сценографии, костюмы, мизансцены, фальшивые звучащие оркестры, который то гремел, то ворвался беспомощный дирижер. Певцы, у которых есть какие-то голоса, очень старались, про богословские не могу ничего сказать, их просто не было слышно. Сделало исключение то исполнительницы партии Иланты, которая сделала максимум, чтобы быть органичной во всем.

И вот за скрипкой раздалась голоса Роберта и Водемона, и юноши (по либретто оба — юноши!) поклонились на сцене.

Роберт — зрелых лег мужчины с внутренней статью Фаррафа и уверенным удачами провинциального оперного премьера. А рядом с ним — сияющий молодостью и красотой, в прекрасном «графском» костюме, юношеский, грациозный, нежно-мужественный Водемон. Вся убогость антуража вдруг как бы ушла куда-то, забылись нелепые бумажные розы в красненьких зеленой маслянистой красной трубках, нестройный оркестр — тута свернулся.

Ю. Марусина без всякого видимого усилия сделал то, о чем сейчас так много-много разговоров (в том числе и в

«Советской культуре»), спор, сотовый, сломанных конопли; он ворвался, величие и могучество искусства!

Как удалось Ю. Марусину сделать это в столь слабом спектакле — наверное, тайна.

Если все оперные артисты

будут такими же, как Юрий Марусин, тогда этот жанр никогда не сдаст своих позиций и не уйдет из нашей жизни.

Л. МАНСУРОВА.
культивист.

Узок круг
посвященных

Хотя в моей личной жизни кинно занимает совсем не главное место, эта тематика вызывает у меня живой интерес.

И вот статья В. Дмитренко, начальника институтского отдела Госфильмофонда, в номере за 3 марта. Сразу хочется возражать, первое, посмотреть на вопрос с другой стороны.

В последнее время утверждается высокомерное и презрительное отношение к посвященным к простому зрителю. Дескать, он видится только на экранах.

Вопрос с другим стороны.

В последнее время утверждается высокомерное и презрительное отношение к посвященным к простому зрителю. Дескать, он видится только на экранах.

Какие фильмы нужны зрителю? Перефразируя Вольтера, скажу: «Все, кроме скучных, голливудских фильмов, явно должны увидеться. Сентиментальные, музыкальные, приключенческие — всякие, только не скучные».

Много-много лет спустя возражения: «Советскому зрителю нужно не это! Советскому зрителю нужно смыслить!» Хорошо. Но мыслить — если глубоко — это технический труд. Не него нужны силы. Чтобы не набираться, тоже нужны отдыши.

Шедевров среди «серебряных» фильмов немного. А срывы — тьма. Когда желание ходить в кино уходит километрами прежней скучины, тогда и великие серьезные фильмы могут остаться без зрителя.

Но я отвлеклась. Хотелось бы спросить у тех, кто приобретает зарубежные ленты: может быть, не обязательно много покупать?

Но зато лихидировать «бывшие ленты нашего киноиздания? Не пора ли, например, «обнородовать» Хичкока? Показать его фильм «Тридцать девять шагов» или первый голливудский фильм Хичкока — «Ребекка»? Да и «Судьба солдата в Америке» вряд ли

ЭСТРАДА

В Москве, в Государственном Центральном концертном зале, состоялись концерты мастеров искусства Литовской ССР, посвященные 70-летию Великого Октября. • Академия песни и танца «Литуан». • Народный артист СССР Донацас Банонис. • Выступает народный артист СССР Вигрикус Нориена. Фото А. Сизутина.

что-либо отказалось бы посмотреть.

Сколько можно думать, ворваться, сэкономить, в воротах, получить со зрителя, если не трястись на сознание и покупку плохих фильмов?

Показали бы раньше Хичкока, но надо было бы и «которить» зрителя в Феллинни. Сколько оскорбительное — что эти фильмы идут! Но идут только для тех, кто высокомерно решает: «Советскому зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Нельзя ее воспринять. Или только для тех, кто высокомерно решает: «Советскому зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего преимущества, они и пишут: «Советский зрителю это не нужно». Пример: рецензия в журнале «Музикальная жизнь» на видеокассету с группой «Лексис». Решительно:

«Чего бы стояла также рецензия, если бы не могли смотреть «экзистенции» фильмы? И чьи были бы интересы? Вот ради того, чтобы не лишиться этого своего

ЗАВТРА ВАЛЕНТИНУ РАСПУТИНУ

«Расскажите нам о нем...»

ВЫСТАПАЯ в моем родном Кирове, в областной библиотеке имени Герцена, перед своим читателями, которых отдавали никому не собираясь, я получила записку:

«Передайте Валентину Григорьевичу Распутину, что мы любим его, любим до боли сердечной. Расскажите нам о нем».

— А знаете, — сказала я, зачитывая вслух записку, — если бы вся моя жизнь была посвящена служению Распутину, я не считала бы ее потерянной. Это мы здесь меняем за писателя считываются, а я живу в Москве и уже привыкли к тому, что огромное количество людей считает меня только человеком, способным сказать им о Распутине, передать просьбу, письмо, договориться о встрече с ним. «Когда он придет? Какой номер его телефона?» Я уж и лукавила, «Он в Австралии, нет, простите, в Африке». Верят. А потом сердиты: как это я могу не понимать всей важности их просьбы, как это я не понимаю, что только Распутин может помочь, на него вся надежда; ибо... И тут огромное количество вариантов: гибнут уникальные фрески, ценные библиотеки растаскивают, проходят собрания старинных музыкальных инструментов, и так до бесконечности. «Но вы же знаете сколько делает Распутин для Сибири, для Байкала, а борьба, пятилетия борьбы с проектом постройки северных рек!»

— Знаем, — говорят на том конце провода, — а вы все-таки скажите о нашей просьбе Валентину Григорьевичу. Он должен помочь. И сколько же я наложил на себя обид за то, что не передал, не соединил, не связал...

...Вот он привел из Иркутска, сидит совершенно измученный, разница во времени огромная, в Москве программа «Время», а дома у него два часа ночи. Глаза усталые, а все равно мучает себя, заставляет не спать, тянет крепкий чай. А у нас на заводе десяти лет, и хоть бы одно для себя. В декабре, например, он привел трижды: на учредительные заседания Советского фонда культуры и два раза из-за Байкала. Он отлично знает, что ему делать, у него природная мудрость и опытработанный стратегический ум. Сидит, с опаской глядит на телефон, который молчал последние минуты, и смеется: «Все знают, что мне делать, что спасать, что мне читать, что смотреть, кого любить, кому отсыпаться, и никому-то не угодишь, и перед всеми виноват, и все делаешь самому». А я говорю: «А я тебе еще страшным судом начну пугать, на нем не за благородительность спросятся, в ее то, как талант на пользу обратил». — «А, — он машет рукой, — какой там талант, уж забыл, что я писатель». Еще заливает чай, заирает чайник (он все виноват делает), смеется: «Сергей Павлович и шестидесят лет «Комиссии» написал, в семидесят — «После бури», так что не все потеряно. А вообще вот отвезд любими, по-сибирски говоря, отпразднуйте, отведу, говорит, свое пятидесятилетие и в затвор, в скит, в монастырь вернусь». Хорошо бы, конечно, если бы получилось...

Рассказывают както: «Сидит чиновник огромного государственного масштаба. Говорит: «Дети в Байкальске из-за комбината болеют». Он: «У вас неверные данные». Отвечает: «Сам видел». Он: «Вам показалось». Ну это стена или не стена?»

При всей нашей любви к Распутину мы не уменьшим ту тяжесть, которую он давил на себя. Но чтобы на него новую тяжесть не налагивать, вотвшее дело.

— А как вы познакомились с Валентином Григорьевичем? — задают вопрос читатели.

— Пятидесят лет назад. Через два месяца после гибели Александра Бавилонова. Уже были напечатаны и «Деньги для Марии», и «Последний срок», и ничего этого не читал. От меня человек понравился — совер-

шенно бескомпромиссный и вместе смелый до безрассудства.

В один из моих приездов в Иркутск сидели коллеги в гостинице, махали руками, Распутин все молчал, а потом говорил: «Давайте на Сашину могилу съездим». — «Да ты что, да куда в таком морозе, да ужече вечеря. А мороз был! Мы высокочили, никаких такси, поймали частника, поехали. Сколько, машина перед излюбленной забужковской. Подъезжали, толкали, не идет. Водитель говорит: «Парни, давайте поворачивать, не судьба вам пока на изладице попасть». Но надо Распутину знать: Он пальтишко с собой снял и под колеса. Ну и я свой витязь полушибок туда же. Выкарабкался... Но дальше я не буду рассказывать... я лучше не про мороз, про жару расскажу. Мы в Финляндию ездили. Тоже так давно, что даже не верится. Однажды все прочел, что тогда было напечатано на Распутине. Радость в том, что я прежде познакомился с ним, а потом прочитал. Если бы я никогда, может, и подойти бы не посмел. И вот уже пятидесят лет с Распутином на ты, а никогда не забываю, что он Расти.

— А как вы определили Распутина как писателя? — снова задают вопрос читатели.

— О, это факт, это и завершение, и начало. Это соединение традиций классических, проповеднических и того, что еще только начинается: срывание личин и с общества, и с себя. Это завершение этапа русской литературы, это начало нового, когда все в произведениях: и монолог, и диалог, и пейзаж, и лирическое отступление — все будет сам автор, его личность, что он стыд, то скажется, когда правда описания жизни будет не просто условием творчества, но точкой отсчета и когда творчество от описания жизни пойдет и ее осмысливание. Разве это сейчас началось — раньше. В прозе и «Дневнике» Достоевского, у Толстого. Литература факта, литература биографии, ее лучшие образцы говорят, до如今 жизни мы дошли. Надо осмысливать, почему дошли.

Был момент, когда вспыхивали хозяйственных идей и переписывались истории превратили лицо и самому человеку. Однажды Распутин сказал (и это для него, может, было случайно, потому как естественно, а для меня открытие): «Чем лучше мы пишем, тем более делаем людей несчастными». Был листок, нарисовал круг, «Этот мы знаем». Нарисовал круг побольше, «Вот мы хотим знать больше, но соприкосновение с неизвестным увеличивается». Чем больше мы знаем, тем больше мы не знаем. Всякое знание в пользу лица и в том смысле, что есть знания бесполезные и никакими больше забывать. Надо же прорваться в одну область знания. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Петрович, и Виктор из новести «Вверх и вниз по течению», и герой последних рассказов «Наташа», «Что передать вороне?» — никакие это не старухи, но другие кто, а он сам. Конечно, он сам! Это и есть признак огромного таланта. Самое мучительное — это самопознание. Тут мы делаем себя несчастными, но прославляем других».

И еще сказала тогда, на встрече с читателями, разве это упрек Распутину, что и старуха Анна, и старуха Даэра, и Иван Пет

